

Едва Чэнь Ян замолчал, фонарики на телефонах разом погасли. Вилла снова погрузилась во мрак, и в темноте слышались тяжёлые шаги чего-то огромного — и отчётливый лязг железных цепей.

Через несколько секунд подсветка телефонов ожила, свет вернулся. Все посмотрели на Чэнь Яна — свирепого духа у него под ногой уже не было. Посланник из Лофэна увёл её.

Семья Хань с облегчением выдохнула. Взгляды заклинателей Ло и Люй, обращённые к Чэнь Яну, совершенно изменились — в них читалось благоговение.

Человек, способный призвать посланника из Лофэна, заведомо превосходит их обоих.

Тут даже зависть бессильна — только почтение.

Мао Сяоли стояла с открытым ртом, уставившись на Чэнь Яна так, словно видела его впервые.

Чэнь Ян намотал красный шнурок обратно на запястье, поднял голову и спросил:

— Свет включать будем?

Хань Цзяшань усадил жену на диван и крикнул домработнице:

— Включи свет!

Та, убедившись, что призрак исчез, побежала к выключателю. Вспыхнул яркий свет. За окнами тучи разошлись, и лунный свет тоже выглянул наружу. В кустах затрещали цикады, прогоняя мертвенную тишину.

Мао Сяоли помогла Хань Кэ сесть на диван. Вся семья Хань смотрела на Чэнь Яна. Госпожа Хань, прежде не верившая ни в каких духов, теперь безоговорочно признала его мастером: ощущение одержимости было настолько явственным, что её до сих пор бросало в дрожь при одном воспоминании.

— Мастер, тот свирепый дух и правда исчез? — спросила госпожа Хань.

— Не исчез, — ответил Чэнь Ян. — Посланник увёл его обратно в Подземный мир. Больше он не станет преследовать госпожу Хань Кэ.

Семья с облегчением выдохнула. Хань Цзяшань спросил:

— Кэ так долго мучил призрак... Не отразится ли это на её здоровье? Её судьба не пострадала?

— Судьба не пострадала, а вот здоровье наверняка. — Чэнь Ян посмотрел на Хань Кэ: между бровей у неё ещё клубилась лёгкая мёртвая дымка, но она уже не представляла опасности. Когда тело восстановится, остатки рассеются сами.

— Что же делать? Нужны талисманы? Мастер Чэнь, только скажите — цена не вопрос! И вот ещё: вы говорили, что бродячие призраки пытались проникнуть в дом. Нет ли какого-нибудь амулета, чтобы...

Мао Сяоли не выдержала и перебила:

— Господин Хань, свирепых духов не так уж много. У госпожи Хань Кэ от природы такая судьба, что нечисть к ней не подступится. Если бы она не вела себя непочтительно перед чужой могилой, ни один призрак не нашёл бы лазейки.

Хань Кэ горько усмехнулась:

— После всего, что со мной случилось, я и подумать не посмею о непочтительности.

Чэнь Ян мягко сказал:

— Не волнуйтесь. У вас снаружи — боги дверей, внутри — предки и статуя Гуань Шэнди-цзюня. Обычная нечисть сюда не проберётся. Что касается госпожи Хань Кэ — мёртвая энергия ещё не рассеялась, так что лучше сходить к врачу и обследоваться. Потом побольше заниматься спортом, бывать на солнце, и ближайший месяц не ходить одной в безлюдные места с тяжёлой инь-энергией. А ещё я попрошу Сяоли нарисовать для вас пару охранных талисманов... Бесплатно, это входит в пакет услуг. Девиз нашего филиала управы Дафу — полное спокойствие клиента.

Хань Цзяшань, сам будучи предпринимателем, оценил подход, но держался почтительно. С уважением и восхищением произнёс:

— Мастер, вы настоящий профессионал.

...

Мао Сяоли смотрела на Чэнь Яна с выражением, с каким обычно падают ниц. А тот невозмутимо улыбался, продолжая ненавязчиво рекламировать филиал управы Дафу. Он провёл с Хань Цзяшанем душевную беседу, они обменялись контактами.

Так Хань Цзяшань был обращён в постоянного клиента и превращён в канал устойчивого развития бизнеса, который впоследствии привёл филиалу немало крупных заказов. Но об этом позже.

После битвы все были вымотаны. Отдохнув два-три часа, они дождались рассвета и стали прощаться. Четыреста тысяч от Хань Цзяшаня плюс сто тысяч от самой Хань Кэ — всё целиком досталось Чэнь Яну.

Впрочем, заклинатели Ло и Люй тоже внесли свой вклад и получили достойное вознаграждение.

Уходя, Чэнь Ян забрал с собой портрет на бумаге из человеческой кожи.

Когда он сообщил Хань Кэ, из чего на самом деле сделана эта бумага, та едва не лишилась чувств и немедленно отдала картину Чэнь Яну.

Мао Сяоли пялилась на экран телефона, где светилось уведомление о поступлении полумиллиона юаней, и долго не могла прийти в себя.

— Чэнь... Чэнь-гэ, ты монстр.

Мао Сяоли окончательно превратилась в фанатку Чэнь Яна.

— Полмиллиона! За всё время, что я в этом деле, таких денег не видела.

Чэнь Ян с любопытством спросил:

— А сколько ты в деле?

— Три года, — ответила Мао Сяоли с чувством. — Сначала работала с семьёй, потом ушла в свободное плавание. В филиале Дафу уже год — и всё это время только оклад. Такая нищета, что даже на ритуальные инструменты не хватает.

— ...

Точно — гиблое место.

— Кстати, Чэнь-гэ, откуда ты узнал, что бумага — из человеческой кожи?

— По ощущению. У обычной бумаги для рисования не бывает такой текстуры.

Мао Сяоли потрогала лист и кивнула:

— И правда. Но тогда как ты догадался, что за Хань Кэ охотится столетний свирепый дух?

Чэнь Ян вздохнул:

— Когда ты увидела портрет красавицы, неужели не почувствовала ничего странного?

Мао Сяоли помотала головой:

— Нет.

— Густая инь-энергия, призрачный холод — настолько очевидно, и ты ничего не уловила?

Мао Сяоли аж рот разинула:

— Чэнь-гэ, как я могу чувствовать призрачную энергию?!

Чэнь Ян нахмурился:

— Ты же небесный заклинатель.

— Заклинатели тоже не могут! — Мао Сяоли не знала, смеяться или плакать. — Чэнь-гэ, ты, похоже, заблуждаешься насчёт заклинателей. Да, мы ловим призраков, но видим их и чувствуем их энергию только с помощью инструментов. Разве что инь-энергия или призрачная аура совсем уж густая — тогда да, можно ощутить напрямую. А от этой картины я вообще ничего не уловила.

Чэнь Ян на секунду растерялся:

— Правда? Я не очень хорошо разбираюсь в заклинателях.

Мао Сяоли впиалась в него взглядом:

— Чэнь-гэ, ты точно не заклинатель? Тогда откуда ты умеешь ловить призраков?

— В детстве научил дедушка-сосед. Он занимался со мной всего два года, так что я себя заклинателем не считаю.

— Вот как... Всего два года — и такой уровень. — В голосе Мао Сяоли слышалась чистая зависть.

В ремесле небесного заклинателя всё решает талант.

Если таланта нет — учишься хоть полтора десятка лет, а всё равно останешься шестиранговым заклинателем с реестром Дугун. Как она. А если талант есть — за два года научишься призывать посланников Фэнду.

Мао Сяоли тряхнула головой. Хватит думать.

Чем больше думаешь, тем завиднее и тем труднее сохранять душевное равновесие.

На самом деле по меркам мира заклинателей Мао Сяоли тоже считалась весьма одарённой — достаточно было видеть, как легко ей давалось закрепление силы в талисманах. Просто на фоне такого исключительного случая, как Чэнь Ян, любой почувствует себя бездарностью.

Мао Сяоли решила вернуться к прежней теме:

— Ладно. Допустим, ты распознал бумагу из человеческой кожи. Что было дальше? Как ты всё остальное вычислил?

Чэнь Ян подробно ей объяснил.

Главная причина заключалась в том, что до поступления в университет он жил в глухой деревне на юге. А на юге — особенно в Гуандуне — вера в духов и божества по сей день очень сильна. Вдобавок у Чэнь Яна была особая конституция, из-за которой он постоянно сталкивался с нечистью.

Поэтому, обнаружив бумагу из человеческой кожи, он сразу понял, что дело серьёзное. Тот дух пытался его очаровать — и говорил с гуандунским акцентом. При этом назвал его «милый студент» — обращение, немислимое для современного человека.

Подпись на картине гласила «Сяо Фэнъюй» — типичное сценическое имя старинных актрис. Он зауглил — и нашёл её биографию.

Сяо Фэнъюй, настоящее имя Чжу Сяоюй, была актрисой кантонской оперы в западной Гуандуне в начале эпохи Республики. Прославилась сладким голосом и живыми, ясными глазами. В двадцать один год была похищена бандитами. Тело так и не нашли.

Чэнь Ян предположил, что после смерти с неё содрали кожу и сделали бумагу, отчего её душа оказалась неполной. Насильственная смерть, никто не поставил надгробия и не совершал подношений — о перерождении и речи быть не могло. Останки Чжу Сяоюй постепенно ушли под землю, а потом чья-то свежая могила придавила их сверху, что окончательно привело Чжу Сяоюй в ярость.

Как раз в это время мимо проходила Хань Кэ, и Чжу Сяоюй воспользовалась случаем: заманила её, спрятавшись в бумагу из своей собственной кожи, проникла в дом семьи Хань и начала

красть судьбу Хань Кэ.

— В старину существовала чёрная магия: считалось, что если содрать кожу с покойника, сделать из неё бумагу и нарисовать на ней портрет умершего — можно пленить его душу.

Как именно Чжу Сяюй заполучила бумагу из собственной кожи — неизвестно, но явно не мирным путём.

Они вернулись к зданию филиала управы Дафу. Чэнь Ян замер у входа, уставившись на вывеску «Управа Дафу», и с горечью произнёс:

— Вывеска барана, а торгуют собачатиной.

Мао Сяоли хихикнула:

— Зато с такой вывеской нас не вызовут на допрос.

Чэнь Ян не поверил своим ушам:

— Вы разве не госслужащие?

— Госслужащие, на официальной ставке. Только... за рамками системы...

Чэнь Ян промолчал. Слов не нашлось.

Стоило ему шагнуть в здание, как Мао Сяоли мгновенно выхватила бланк договора и ручку:

— Подписывай! Как подпишешь, станешь нашим начальником филиала. По секрету: у начальника оклад вдвое выше нашего, а процент с заказов — на пять пунктов больше.

Чэнь Ян приподнял бровь:

— А какой именно процент у начальника? И каковы ваш оклад и доля?

Мао Сяоли уже открыла рот, но тут вошёл заместитель начальника Ма Шаньфэн, выпятив живот, увёл её и о чём-то переговорил. Затем вернулся и обратился к Чэнь Яну с преувеличенным радушием:

— Сяоли ещё не во всём разбирается. Если есть вопросы — спрашивайте меня, начальник.

— Я ещё не подписал...

— Начальник, вероятно, пока не вполне ознакомлен с нашим соцпакетом?

— Я думаю, дело не совсем в этом, мне нужно ещё подумать...

— Оклад начальника — тридцать тысяч. За каждый заказ начальник получает пять процентов от суммы — причём независимо от того, участвовал он лично или нет. Система распределения такая: с каждого заказа тридцать процентов идёт на текущие расходы филиала, а оставшиеся семьдесят делятся поровну между участниками.

Иными словами: даже если заказ примут другие, а Чэнь Ян и пальцем не пошевелит, — при успешном выполнении он получит свои пять процентов. А если участвует лично — к пяти процентам добавляется равная доля от оставшихся шестидесяти пяти.

Плюс оклад, плюс бесплатное жильё и питание, плюс официальная ставка госслужащего...

Удержаться было совершенно невозможно — даже при том, что коллеги оказались заклинателями, а вывеска была откровенной липой. Хотелось подписать немедленно!!!

— За тот трёхзвёздочный заказ начальнику тоже полагается доля. Деньги поступят на ваш счёт завтра. Всего это будет... дайте посчитаю...

— Сто восемьдесят семь тысяч пятьсот.

— Именно!

Чэнь Ян уставился на улыбающегося добродушно, а на деле хитрящего заместителя начальника Ма Шаньфэна.

Подписывать?

Подписывать!

<http://bllate.org/book/17971/1726330>